

[Л.1]

Стенограмма беседы с зам. председателя Исполнительного Комитета Львовского городского совета депутатов трудящихся тов. Пелехатым Кузьмой Николаевичем.

Беседу вел старший научный работник Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР тов. Марковский М.Ю.

Стенографировала Вилькова Ж.Б.

г. Львов, 6.VI.1946 г.

Родился в 1886 г. в с. Опары Дрогобычской области в крестьянской семье. С молодых лет, еще в гимназии, занимался политической жизнью. Находился в подпольных кружках Драгомановских, а затем социалистическом.

Два полугодия я был студентом в университете в Вене. Университет не закончил. Но там же, в Вене, закончил журналистскую Академию, после чего долгое время пешком путешествовал по Чехословакии, Моравии, Австрии. Полтора года работал в угольной шахте. Затем вернулся во Львов и с тех пор работал журналистом в редакции «Галичанин», потом «Прикарпатская Русь» – органах так называемого тогда русофильского направления.

В 1910 г. был одним из основателей «Группы галицко-русских социалистов». Издавали журнал «Новая Жизнь», которым заинтересовался В.И. Ленин. Мы устроили встречу одного из наших редакционных работников с Владимиром Ильичом, когда он ехал из Кракова в Закопане в 1912 году.

В.И. Ленин тогда обратил наше внимание на то, что мы неправильно относимся к национальному вопросу здесь, на территории Западной Украины, называл нас салонными социалистами. [Л.2] Он нас научил, как нужно относиться к национальному вопросу в Галиции и как надо вести работу среди рабочих.

В 1914 году, в первый день после начала войны меня арестовала австрийская полиция за антивоенную пропаганду, как социалиста. Меня вывезли в крепость Терезиенштадт в Чехии, а затем в концлагерь в Талергофе. Оттуда под штыком меня завезли на итальянский фронт. Там же, на фронте меня арестовали. В Краковской крепости я просидел больше года, после чего вновь был отправлен на итальянский фронт.

В 1920 году во Львове начинаю издавать «Воля народа» – социалистическую крестьянско-рабочую газету.

В 1926 году с другими организовал партию крестьянско-рабочее социалистическое объединение (Сельроб). Эта партия находилась под руководством Коммунистической партии. Издавал орган партии «Сель-Роб».

В то время меня несколько раз арестовывали. Газету я выдавал до 1932 г. И был членом Центрального Комитета партии. В 1932 польские власти арестовали

всех партийных людей. Был арестован и я. С тех пор я не мог издавать газету, не занимал никакой должности, продавал на улице бензин. Так было вплоть до 1939 года.

В 1939-1941 годах работал в редакции газеты «Свободная Украина».

При немецкой оккупации был чернорабочим, работал как рабочий.

С первых дней после освобождения Львова работал в редакции газеты «Свободная Украина», а затем ответственным [Л.3] секретарем журнала «Советский Львов». С 1 января 1946 работаю заместителем председателя Исполнительного Комитета Львовского городского Совета депутатов трудящихся.

Отвечаю на вопросы.

Почему Львов относительно цел? План немцев был таков: весь Львов был заминирован. Немцы надеялись, что натиск советских частей будет идти с ул. Замарстиновской. Там они укрепились и для этого большой парк огороднической школы сравнили с землей. План уничтожения Львова был сконцентрирован на электростанции: значит, по каждому нажиму кнопки часть города Львова должна была взлететь в воздух. И только благодаря тому, что Красная армия пришла с Зеленой улицы, захватила электростанцию и уничтожила весь взрывной аппарат, Львов относительно цел. Если бы Красная армия пришла во Львов на день-два позже, то население Львова не было бы.

Приход немцев.

Безусловно, украинские националисты приветствовали немцев как освободителей, приветствовали их цветами. Но значительная часть украинского населения относилась к немцам с предосторожностью. Когда во Львове появились представители ОУН (организация украинских националистов), они начали расправляться с некоторыми людьми, которые работали во время советской власти.

Предатели, которые тогда находились в Германии и приехали во Львов, провели в помещении университета съезд, на котором добивались наказания Рудницкого, Галана, [Л.4] Козланюка и Пелехатого. Галан и Козланюк из Львова выехали, Рудницкий из Львова убежал в деревню, а я полгода скрывался.

Украинские националисты захватили радиостанцию. Свои передачи начинали: «Ще не вмерла...», а кончали «Не пора, не пора москалю, ляху служить». Радиостанцию называли «Радиовисильня имени полковника Евгения Коновальца».

Украинские националисты в расклеиваемых ими афишах сообщали о создании «украинского правительства» и т.д. Разумеется, в Горсовет они втянули своих людей. Но «господство» длилось неполную неделю.

Во Львов въехало гестапо и отобрало радиостанцию. Ничтожествам запретили даже «ще не вмерла».

С того момента еще более широкие круги украинского населения начинают от гитлеровцев отдаляться. Те, кто занял «хорошие» позиции, разумеется, еще

больше отдавались на услужение немцам. А когда к этому добавились террористические расправы, массовые аресты людей, расстрелы (я уже не говорю о евреях, о них отдельная статья), общественность украинского населения наглядно убеждалась, что правду говорили некоторые особы, которые приехали из Германии, куда бежали еще в 1939 г.

Был среди нас такой Танчаковский. Он приехал с немцами. Меня дома не было, я прятался. Он тогда жене говорил, а позже повторил мне: «Помните, вы не знаете, кто такие немцы, кто такие гитлеровцы. Они уничтожат нас всех и весь украинский народ. Я знаю, с каким они планом пришли».

Большую роль в распространении гитлеровской пропаганды играло духовенство, католические украинские попы. [Л.5] Они с первых дней, за исключением немногих, стали на сторону Гитлера. Те, которые не перешли на сторону Гитлера, были наказаны. Знаю, что их и их детей расстреливали националисты и гитлеровцы. Так, напр., было с духовником Крутяком и др.

Шептицкий сразу приказал попам захватывать в селах власть в свои руки: «Пришел момент, когда мы должны сыграть большую роль и дать полную помощь немецким властям. Для этого призываю всех священников (так он писал в своем послании) на местах создавать общественную управу и принимать в ней непосредственное участие».

Были случаи, когда попы были даже председателями сельсоветов, причем сами по-гитлеровски назначали членов общественной управы.

Делегации украинских националистов, которые появились на площади Юра, Шептицкий благословил (его выносили, он не ходил). Шептицкий называл Гитлера «большой рыцарь, который пришел спасти украинскую нацию».

Когда гестаповцы, гитлеровцы начали выгонять людей на работу в Германию, тогда и много приверженных гитлеровцам молодых людей начали прятаться в лесах. Вывоз населения в Германию из городов и сел был массовый. Бывали случаи, когда гестапо окружало церкви во время богослужения и всех молодых забирали силой, нападали на деревни ночью и забирали людей непосредственно из домов и гнали в Германию.

Следует подчеркнуть, что в этой их работе все время безоговорочно помогали им украинские националисты. И еще с благодарностью за то, что вывозят наших людей тысячами, десятками [Л.6] тысяч в Германию, они устроили во Львове большой съезд певцов. Все они почти были одеты в народные костюмы и под театром устроили парад губернатору Франку.

На это откликнулись немецкие и немецко-украинские газеты таким образом, что даже не называли своих рабов украинцами, а местным «здешним» народом: «Здешний народ устроил нам огромный парад. Представители народа были одеты в пестрые одежды и приветствовали в лестных песнях великого человека, заместителя Гитлера – губернатора Франка».

Львов не назывался Львов, а Лемберг. И я лично слышал, как украинские националисты, женщина говорила в трамвае попу: «В нашем Лемберге теперь не плохо и нам надо привыкать к тому, чтобы называть Львов Лембергом».

Относительно подпольной работы. Мне сообщили, что во Львов из Варшавы приехал представитель ППР (Польская Партия Рабочая) и связался с некоторыми товарищами, которые в этом деле обратились ко мне. Между прочим, он представил себя как представитель Польши, считая западноукраинские земли составной частью Польши. Я передал ему заявление, что мы советские граждане, западноукраинские земли и Львов являются неотъемлемой частью Советского Союза и только как таковые будем вместе бороться против оккупантов.

Через некоторое время он возвращается снова во Львов и уже, не претендуя на западноукраинские земли, завязал с нами контакт.

Подпольная организация, во главе которой стояли инженеры т.т. Путько Михаил, Березин Николай и врач-ветеринар [Л.7] Перчинский Петр, продолжала широкую противогитлеровскую работу. Я работал в редакции подпольных листовок, которые появлялись очень часто. Бывало, что мы каждый второй день выдавали листовку. Ночью листовки расклеивались на стенах Львова. Это преимущественно перед выходом рабочих на работу, когда еще было темновато. Рабочие подхватывали листовки, потому что там были новейшие сообщения. Подпольный радиоприемник был в тов. Луника Томы. Благодаря этому мы знали, что происходит в Москве и на фронте.

Ватаги гестаповцев гонялись по улицам, собирали листовки, сдирали их с домов.

Противонемецкие настроения населения г. Львова усиливались с каждым днем. Когда немцы на Стрелецкой площади, на Краковской площади расстреливали подпольных боевиков, то почти каждую ночь на том месте появлялись венки. Это было так прекрасно организовано, что хоть там стояли гестаповцы, венки всегда появлялись. Были случаи, что на рассвете женщины зажигали там свечи. Так они проявляли свое уважение боевикам, которых расстреливали немцы.

Сильное впечатление на общественность украинского населения имел поход Ковпака в Карпаты. Из уст в уста ходили сведения о его походе, о переходах его через реки, леса, деревни и города. Между прочим, активно обсуждалась тема об окружении Ковпака в селе Большеовцы под Галичем. Рассказывали, что гитлеровские войска окружили партизан и начали сужать кольцо. Знаю от достоверного свидетеля с Большеовец, что население просто переживало за судьбу партизан. Может, некоторые и не были сторонниками советской власти, но их захватывал этот подвиг, мол, как можно было пройти через немецкие фронты и зайти сюда.

[Л.8] Однажды – как рассказывали – немецкая артиллерия начала бомбить лагерь партизан, который был им виден под лесом. Бомбили несколько часов и,

придя к убеждению, что там все уничтожено, пехота двинулась в атаку. Но на месте застали лишь самые шатры, убитых баранов, несколько коров, но... ни одного партизана. Они давно ушли оттуда в горы, а лагерь оставили для того, чтобы ввести в заблуждение гитлеровцев. Некоторые неосторожные жители Большецов, восхищаясь этими событиями Ковпака, заплатились жизнью. Националисты доносили на них и этих неосторожных людей расстреливали.

Когда ковпаковцы доходили уже до Борислава, перейдя Карпаты, то все общество, которое я назвал нейтральным, убеждалось, что немцы дело проиграли.

При этом хочу отметить, что почти в каждом доме, как мне рассказывали, на карте вставлялись шпильки с флажками, куда Ковпак идет. Такую карту с флажками на шпильках я видел в кабинете директора Украинского Издательства Матчака, когда я привез туда уголь.

Впечатление, вызванное походом Ковпака в Карпаты, усилилось еще больше на западноукраинских землях, когда население наглядно увидело, что Ковпак организовано марширует снова на Восток.

По мере продвижения Красной армии вперед начали нарастать просоветские настроения и нейтральной части украинского населения. Народ начал чувствовать себя более свободным. Но в то же время усилился террор немцев, которые массово гнали людей в Германию.

[Л.9] Наибольшим ударом для Западной Украины и величайшим позором для украинских националистов была принудительная высылка украинских детей в Германию. Делегаты украинских националистов появлялись в школах и насильно забирали детей, обещая им, что они едут в артиллерию, им будет хорошо, что они идут на Лемковщину, в Колодязь и будут выполнять великую службу для немецкой отчизны и т.д. Агитация их в этом направлении была отвратительная. Невыносимое зрелище на улицах Львова, когда сынки украинских господ некоторых адвокатов, занимающих высокие должности, одетые в мундиры гитлер-югенд (гитлеровская молодежь) вели по улицам Львова ободранных, босых, голодных, 10-13 летних сельских мальчишек.

И тогда из уст матерей во Львове громко слышались проклятия на тех, кто до этого довел.

Одновременно с приближением Красной армии усиливалась среди гитлеровцев паника. Немецкие «Берты» и «Хедвиг» уже давно упаковали свои чемоданы. Награбив добра, они бежали в Германию.

Одновременно начали выезжать украинские националисты, особенно те, у которых были большие деньги. Они говорили, что выезжают на курорт в Криницу, куда безусловно большевики не дойдут.

Знаю случаи, когда бедные девушки-машинистки, имея в кармане 300 золотых, ехали туда тоже.

Многие люди, жители Львова, выезжали в близлежащие села, убегая не перед Красной армией, а просто потому, что очень боялись бомбардировки.

[Л.10] По селам и в г. Львов неистовствовал террор. Рабочих окружали на заводах и фабриках гестаповцы и под штыком сажали их в вагоны, вагоны пломбировали и так вывозили их в Германию. Были случаи, что женщины насильно вывозимых рабочих ложились на рельсы, гестаповцы их снимали за ноги с рельсов, некоторых пытали до полусмерти.

Работа подпольной организации нарастала. По ночам видно было, как горели помещичьи имения, стога сена, сараи с лошадьми. Часто доходили слухи, как партизаны пускают под откос поезда, поезда с гитлеровским войском и т.д.

Все, что печаталось по-украински, безоговорочно служило Гитлеру и гестапо.

Когда Красная армия приближалась ко Львову, появился т.н. манифест, в котором немцы призвали противостоять большевизму, коммунизму, становиться в ряды вместе с гитлеровцами и уничтожать всех сторонников советской власти.

Именно взятие Львова Красной армией было для жителей безусловной радостью. Население ждало изо дня в день изгнания немцев из города Львова. Все наглядно видели, как немцы укрепляют город, что они здесь строят на улицах и площадях, какие копают укрепления и т.д. Это наполняло жителей Львова большой тревогой за свою судьбу. И когда немецкие войска начали бежать из Львова по Зеленой улице, потому что больше некуда было бежать, все убедились, что Львов окружен и положение гитлеровцев безнадежное.

Настроение населения Львова, в том числе и оставшихся украинцев, было безусловно радостное, когда пришла Красная армия. Население действительно приветствовало Красную армию как освободителя.

[Л.11] В последних месяцах перед приходом Красной армии укрепились акция АК (Армия Крайова – польская фашистская организация). Первого и второго дня после освобождения Львова, надев на себя бело-красные повязки, вооруженные автоматами, АКовцы бросились расправляться с украинским населением.

За два дня АКовцы расстреляли около 600 украинцев. Между прочим, расстреляли двух лучших партизан – инженера Путько и Березина за то, что они на улице разговаривали по-украински.

(К. Пелехатий)